

Пока Чжао Цзи отсиживался дома, сославшись на внезапный недуг, в императорском дворце — совсем неподалеку — разворачивалась пусть и негромкая, но весьма ожесточенная подковерная схватка.

С самого утра четверо министров из Двух палат ожидали высочайшего призыва у Восточных ворот, после чего их препроводили в Зал Счастья и Покоя.

По дороге к императорской опочивальне Цзэн Бу намеренно отстал на несколько шагов и пристроился к Сюй Цзяну, с которым давно поддерживал дружеские отношения. Покосившись по сторонам, он негромко заговорил.

— Вчера мы видели, как в женскую половину пронесли паланкин. Так вот, уходя из Запретного города, я заметил у ворот карету. Экипаж принадлежал Поместью князя Дуаня.

Сюй Цзян, старый царедворец, искушенный в интригах не хуже любого другого матерого лиса, сразу уловил скрытый смысл этих слов.

— В такое время? Ван Дуань тайно явился к двору?

Цзэн Бу понизил голос до едва различимого шепота.

— Поговаривают... уж не вдовствующая ли императрица его призвала?

Сюй Цзян слегка приподнял голову и мимоходом огляделся. Убедившись, что остальные министры идут достаточно далеко и подслушать их не могут, он уставился прямо перед собой и сухо отрезал.

— Стареешь ты, брат, глаза уже не те. Мало ли что тебе померещилось.

Цзэн Бу, однако, предостережения не оценил. Нахмурившись, он дернул коллегу за широкий рукав.

— Сам ты ослеп, старый хрыч!

Шедший чуть впереди Цай Бянь прекрасно слышал их перешептывание. Заметив, что Цзэн Бу начинает слишком бурно жестикулировать, он обернулся и предостерегающе процедил.

— Потихе. Держите язык за зубами.

Цзэн Бу спохватился, сообразив, что действительно увлекся, и мгновенно умолк.

Шествовавший во главе процессии канцлер Чжан Дунь тоже уловил обрывки их беседы. Он обернулся, одарив троицу ледяным взглядом. При одной мысли о повадках и репутации вана Дуаня его лицо исказила гримаса неприкрытого отвращения. Впрочем, разводить пустые споры он не стал и молча перешагнул через высокий порог императорской обители.

Войдя в тронный зал, сановники не увидели императора. Вместо этого перед возвышением колыхалась плотная шелковая завеса.

При виде тяжелого полога у всех четверых тревожно екнуло сердце.

Вдовствующая императрица Сян величественно восседала за плотной драпировкой. Дождавшись, пока министры выстроятся в ряд, она неторопливо заговорила.

— Император покинул этот мир. Наследников он не оставил, а потому я призвала вас, дабы держать совет.

Вспомнив недавний разговор о вана Дуане, Чжан Дунь мигом позабыл о придворном этикете. Он даже не удосужился изобразить скорбный плач, положенный по уставу. Вместо этого он громогласно объявил.

— Согласно священным канонам династии, престол должен унаследовать Цзянь-ван. Он — единоутробный младший брат покойного государя, и выбор этот свят!

Среди выживших сыновей покойного императора Шэнь-цзуна, достигших зрелого возраста, оставались лишь трое: Шэнь-ван, ван Дуань и Цзянь-ван.

Старший, Шэнь-ван, страдал тяжелым недугом глаз и практически ослеп. Средний, ван Дуань... Чжан Дуня начинало тошнить от одной мысли о распутном поведении этого юнца. Цзянь-ван на их фоне казался безупречным кандидатом. К тому же он приходился родным братом усопшему императору по матери, что делало его права неоспоримыми.

Как только вдовствующая императрица упомянула «совет», Цзэн Бу и Сюй Цзян тут же связали это с экипажем Поместья князя Дуаня, замеченным накануне. Покойный монарх в свое время взошел на трон лишь благодаря протекции госпожи Сян. Если она решила самолично определить и следующего правителя, никто бы не посмел ей перечить. Тем более кандидат уже побывал у нее на аудиенции прямо под носом у министров. Разве могли опытные сановники не уловить, куда дует ветер?

Вдовствующей императрице просто требовалось, чтобы кто-то из них первым произнес вслух нужное имя и предложил кандидатуру вана Дуаня.

Цзэн Бу уже приготовился услужливо подыграть государыне и выступить в роли верного слуги, как вдруг Чжан Дунь, не колеблясь, выпалил имя Цзянь-вана. Ну и упрямец! Никакой уздой его

не удержишь.

Цзэн Бу всегда знал, что канцлер прямолинеен до глупости, но чтобы настолько? Вдовствующая императрица едва ли не открытым текстом указала на своего фаворита, а этот безумец упрямо лез на рожон.

Вдовствующая императрица Сян управляла дворцовыми чертогами слишком долго, чтобы потерять самообладание из-за подобной дерзости. Она и бровью не повела. Ее тон остался ровным, а отказ прозвучал мягко, но безапелляционно.

— Все они — сыновья усопшего императора Шэнь-цзуна. Шэнь-ван, увы, поражен слепотой, а потому престол должен перейти к следующему по старшинству — вану Дуаню. К тому же покойный государь говаривал, что ван Дуань отмечен благодатью и долголетием, да и сердцем он почтителен и ласков.

Из четырех сановников Цай Бянь сохранял бесстрастное выражение лица, а Цзэн Бу и Сюй Цзян покорно склонили головы. Лишь на лице Чжан Дуня читалось столь яростное несогласие, что его, казалось, можно было потрогать руками.

Ван Дуань, Чжао Цзи — кем он был? Кутилой и повесой, чьи похождения гремели на весь Кайфэн. Он не пропускал ни одной юбки и предавался самым низменным удовольствиям.

Жалобы на его бесчинства сыпались в канцелярию трижды в день, а ему все было с гуся вода. Разве мог подобный бездельник стать достойным владыкой Поднебесной?

Чжан Дунь скорее согласился бы расшибить лоб о стену, чем признать власть этого ничтожества. Он уже вытянул шею, готовый продолжить яростный спор, но шедший позади Цай Бянь резко дернул его за рукав парадного халата, силой увлекая назад.

Поймав момент, Цзэн Бу и Сюй Цзян в один голос затянули.

— Решение великой вдовствующей императрицы мудро и справедливо!

На этом участь престола была решена.

Вскоре по дворцу разнеслось скорбное известие: император скончался.

Пока улаживали траурные формальности, выяснилось примечательное обстоятельство. Все принцы крови уже долгое время покорно дожидались аудиенции в переднем зале. И лишь один-единственный ван Дуань умудрился сказать больным.

Причина его отсутствия была «крайне уважительной» — дескать, Его Высочество изволили

упасть в воду и подхватить жестокую простуду.

«Какая, к черту, простуда!»

Старый Чжан Дунь едва сдерживал ярость. Будь его воля, он бы собственноручно прибил мерзавца Чжао Цзи прямо на месте.

Весь Кайфэн гудел о том, как этот бездельник умудрился искупаться. Позавчера он отправился кататься на лодке с какими-то девицами легкого поведения, решил сорвать лотос да раскачал суденышко, забавляясь, пока оно не перевернулось.

И из-за этой глупости принц подхватил насморк и теперь смел игнорировать государственные дела в столь судьбоносный час?!

Сам Чжао Цзи, прохладаясь в своем поместье, даже не подозревал, какую бурю ненависти навлек на себя этой невинной отговоркой.

Пока он упивался горькими мыслями о своей незавидной доле и неминуемом воцарении, к воротам усадьбы подкатила карета. Гонец доставил спешный указ: вдовствующая императрица немедленно призывает его во дворец.

Едва выслушав волю государыни, новоявленный преемник снова оказался заперт в экипаже.

«Мне одному кажется, или эти люди вообще не уважают мой титул?»

Тоскливо подумал устроившийся в глубине кареты Чжао Цзи.

По дороге во дворец Чжао Цзи удалось выведать у сопровождавших его евнухов любопытную деталь: оказывается, глава ведомства Чжан Дунь был категорически против его кандидатуры.

Эта новость громом поразила Чжао Цзи.

«Неужели судьба дает мне шанс?»

Ликовал он про себя.

«Чжан Дунь? Сам канцлер! И он мной недоволен? Какое счастье! Но погодите... если мне не изменяет память, после воцарения Хуэй-цзуна этого старого упрямца довольно быстро сместили с должности. Какой он вообще правитель? Имеет ли его слово вес? Что там писали в учебниках истории?»

Чжао Цзи всю дорогу отчаянно пытался растормошить память, сопоставляя исторические факты. За этими размышлениями время пролетело незаметно, и экипаж с тихим скрипом остановился у дворцовых врат.

«Да какая разница! Господин Чжан, вы — моя единственная надежда! Пожалуйста, стойте на своем до конца! Возражайте, протестуйте, спасите меня от этого трона!»

Едва переступив порог Зала Гражданской Добродетели, Чжао Цзи услышал многоголосый плач, разносившийся под высокими сводами.

Дабы не выделяться среди скорбящих, он усердно насупился и тоже выдал из себя несколько натужных рыданий.

Сквозь скорбные причитания двора раздался величественный голос вдовствующей императрицы Сян, провозгласившей вана Дуаня новым владыкой Поднебесной.

Пока вдовствующая императрица зачитывала волю, Чжао Цзи незаметно разглядывал стоявших впереди сановников. Наконец его взгляд наткнулся на мужчину с самым кислым выражением лица. Чжао Цзи отчаянно замигал ему, призывая к действию, после чего рухнул на колени.

— Вдовствующая государыня, мой разум скуден, а добродетели ничтожны. Я не дерзаю возложить на себя столь великую ответственность и молю освободить меня от этого бремени!

«Ну же, теперь твой черед! Скажи им, какое я ничтожество! Раскритикуй меня! Останови это безумие! Ну давай же, импозантный господин!»

Мысленно умолял Чжао Цзи, не сводя глаз с угрюмого канцлера.

Увы, все его безмолвные мольбы пропали даром. Канцлер даже не повернул головы в его сторону. Старик лишь упрямо разглядывал узоры на полу, подставив затылок под ищущий взгляд Чжао Цзи, и не проронил ни звука.

В наступившей зловещей тишине из-за ширмы раздался непреклонный голос вдовствующей императрицы.

— Ради блага государства и алтарей предков тебе не следует более уклоняться от своего долга.

Даже склонившись до самого пола, Чжао Цзи отчетливо уловил ледяную угрозу, сквозящую в ее ровном тоне.

Опасаясь выдать себя и не желая гневить суровую старуху, которая могла стереть его в

порошок, Чжао Цзи нехотя поднялся с колен. Словно на казнь, он потащился к трону перед завесой и боязливо примостился на самом краешке сиденья. Тем не менее, надежда угасала последней: он предпринял последнюю попытку расшевелить Чжан Дуня.

Однако стоило ему приоткрыть рот, как стоявший подле трона евнух бесцеремонно опустил тяжелую ладонь на его плечо, намертво вдавив новоиспеченного императора в подушки.

«Да чтоб вас! Силой, значит, на трон пихаете!»

Мысленно взвыл Чжао Цзи.

Дальнейшие церемонии пошли своим чередом, уже не требуя участия Чжао Цзи. Сначала чиновники созерцали бранные останки усопшего государя, затем проливали ритуальные слезы, после чего призвали ученого мужа из академии Ханьлинь по имени Цай Цзин, дабы тот составил траурный манифест.

Чжао Цзи никто не обучал тонкостям восхождения на престол. Он понятия не имел, когда нужно величественно кивать, а когда сохранять царственное молчание. Потерянный и заброшенный, он сидел на самом высоком седалище Поднебесной, со скукой разглядывая макушки склонившихся перед ним вельмож.

Когда он скосил глаза в сторону, стоявший подле него евнух истолковал этот жест по-своему. Решив, что государь дает знак, слуга зычно провозгласил.

— Призвать гражданских и военных чинов в залу!

Спустя мгновение двери распахнулись, и тронный зал заполнило пестрое море придворных.

Вдруг один из пожилых сановников, стоявших во втором ряду по левую руку, сделал шаг вперед и громко произнес.

— Ваши покорные слуги еще не сподобились услышать высочайшего слова нового государя.

«Чего? Какое еще слово? Я же рта не открывал!»

Опешил Чжао Цзи.

Не успел он подобрать слова, как второй старец тут же подхватил.

— Ваш покорный слуга также жаждет внять речам Его Величества.

«Так-так, кажется, я начинаю понимать... Что за комедию ломают эти пройдохи?»

Чжао Цзи прищурился, силясь разгадать их замысел.

Наконец заговорил непреклонный Чжан Дунь, на которого Чжао Цзи возлагал столько надежд.

— Молим вдовствующую императрицу принять бразды правления и наложить длань на государственные дела.

Тут пазл в голове Чжао Цзи окончательно сложился. Старики разыграли этот спектакль лишь для того, чтобы узаконить регентство вдовствующей императрицы Сян и призвать ее править из-за ширмы.

Впрочем, вполне вероятно, они попросту не желали доверять бразды правления ветреному и распутному принцу, чья дурная слава не предвещала государству ничего хорошего.

Поняв их истинные намерения, Чжао Цзи с готовностью ухватился за эту возможность.

— Мы присоединяемся к вашему прошению, — невозмутимо изрек он.

Один из старейших советников тут же поинтересовался исходом этого прошения.

— Матушка-императрица милостиво согласилась принять на себя сии труды, — медленно протянул Чжао Цзи.

Даже с его скудными познаниями в истории он помнил, что госпожа Сян действительно некоторое время управляла государством. Сам Чжао Цзи ничуть не дорожил престолом, однако приличия следовало соблюдать. Показать себя неблагодарным глупцом, едва взошедшим на трон, было бы верхом неосмотрительности.

После того как завеса опустилась, круг обязанностей Чжао Цзи сузился до чисто формальных церемоний.

В этот знаменательный первый день его «службы» новоиспеченный монарх занимался преимущественно вопросами, касающимися его собственного обустройства.

В конце концов, если отбросить весь внешний лоск и пафос, бремя власти оставалось всего лишь работой.

А любая работа подчиняется одним и тем же законам рутины. Кому, как не загнанному до смерти офисному клерку из прошлой жизни, было знать об этом?

Когда устраиваешься на новое место, первым делом стараешься вникнуть в тонкости дела, а затем — наладить отношения с коллегами, дабы избежать лишних козней. Должность императора не была исключением.

Правда, в качестве верховного правителя Сун Чжао Цзи фактически стал полноправным хозяином этой огромной империи. Наводить мосты с подчиненными было полезно, но спешить с этим не имело смысла.

Политическая обстановка при дворе напоминала зыбучие пески. Главную опасность для него представляли могущественные кланы, опутавшие своими сетями все ведомства.

Отец Хуэй-цзуна, его дед и дядя... Предыдущие поколения императоров потратили немало сил, планомерно отбирая власть у военачальников. Дошло до того, что среди нынешних генералов не осталось ни одного, кто мог бы похвастаться верными войсками. Бедолаги, ютившиеся на задворках зала, лишились даже личной гвардии.

Реформы по централизации власти следовали одна за другой, окончательно разорвав связь между командным составом и армией. Ныне полководцы не знали своих солдат, а сами солдаты — своих командиров. Старые вояки покорно мерзли в углу тронного зала, и даже издалека от их унылых фигур веяло безнадежностью.

Что касается гражданских чинов, старая гвардия, доставшаяся в наследство от отца, отличалась преданностью престолу. Среди них встречались строптивцы, но никто из них и помыслить не мог о бунте или захвате власти. А брат покойного императора ушел из жизни столь молодым, что попросту не успел обзавестись собственной кликой.

Хотя знатные кланы обладали колоссальным влиянием, явных амбиций на престол они не выказывали. Молодой император мог беспрепятственно окружить себя преданными людьми, если только не посягал на доходы и привилегии старой знати.

Именно так все и обстояло. В реальной истории почти все одиозные временщики и предатели, чьи имена стали синонимами измены, поднялись к вершинам власти лишь благодаря благосклонности легкомысленного Чжао Цзи с его страстью к каллиграфии и живописи.

Этот коронованный эстет на протяжении всей жизни прилежно подтачивал устои собственного государства. А когда у него опускались руки, он призывал к себе прихлебателей, щедро оделяя их чинами, дабы те помогали ему рушить империю.

Но хотя на троне по-прежнему восседал Чжао Цзи, душа в этом теле была иной. Нынешний правитель ни за что на свете не приблизил бы к себе негодяев вроде Гао Цю или Ван Шэня, чтобы те рыли ему могилу.

Тем не менее, государю жизненно необходимо было создать собственную опору. Еще утром, размышляя на досуге, он пришел к очевидному выводу: чтобы удержаться у власти, нужно

прежде всего умиротворить Поднебесную.

А любые реформы, направленные на благополучие государства, неизбежно затронут кошельки правящего класса. После падения династии Тан старая аристократия сошла со сцены, но на смену ей явились новые, еще более изворотливые и могущественные союзы землевладельцев.

Власть кланов оставалась извечной бедой Китая. Сидя на троне и глядя на министров, император видел лишь клубок родственников и свояков. Братья Цай Цзин и Цай Бянь были далеко не единственным примером подобного кумовства. До поры до времени эти господа вели себя смирно, но стоило задеть их интересы — и они бы мертвой хваткой вцепились государю в горло. А значит, действовать следовало не спеша, подобно повару, медленно нагревающему воду в котле с лягушкой.

И для этого Чжао Цзи требовался преданный круг единомышленников, безоговорочно подчиняющихся его воле.

Погруженный в думы о том, как урезать аппетиты жадных вельмож, Чжао Цзи безучастно выслушивал льстивые славословия, которые расточали в его адрес придворные лизоблюды.

Чиновники из всех сил старались угодить новому повелителю.

В первый день его правления никто не решился докучать государю сложными государственными делами. Все доклады касались исключительно его персоны.

Министры наперебой обсуждали, когда супруге цзюньвана надлежит переехать во внутренние покои дворца и получить титул императрицы, как распределить ранги среди остальных наложниц из княжеской усадьбы, на какой день назначить торжественную коронацию и насколько пышной должна быть церемония.

Глядя на эту суету с высоты своего трона, Чжао Цзи невольно ловил себя на мысли, что присутствует на обычном офисном собрании, где подчиненные бурно обсуждают банкет в честь нового начальника.

Чжао Цзи слегка покашлял, привлекая к себе внимание, и произнес.

— Почтение к усопшему императору велит нам соблюдать траур. Посему коронацию провести скромно, без излишнего расточительства. Нашу супругу из клана Ван наречь императрицей, а вдовствующей императрице Сян поднести великое почтение. Остальных дев из усадьбы наделить рангами согласно установленному уставу.

Едва покончив с решением этих неотложных вопросов, Чжао Цзи с облегчением понял, что рабочий день подошел к концу.

Новоиспеченный монарх отбыл домой в роскошном императорском экипаже. Однако стоило повозке въехать в переулок, где располагалось Поместье князя Дуаня, как до его ушей долетел многоголосый девичий щебет.

Отодвинув шелковую занавеску, он выглянул наружу и обомлел. У ворот Поместья князя Дуаня выстроилась пестрая толпа нарядных прелестниц — на глазок не меньше трех десятков. Впереди всех стояла супруга цзюньвана, Ван Цзао, внимательно выслушивая торопливый доклад управляющего.

От этого зрелища у Чжао Цзи вновь нестерпимо разболелась голова.

Прежний хозяин тела питал слабость к знаменитым куртизанкам и волок в дом каждую приглянувшуюся девицу. Добавьте к этому подарки от вдовствующей императрицы, щедрые подношения от Ван Шэня, а также наложниц, пожалованных покойным братом... В итоге юноше едва исполнилось семнадцать, а его гарем по численности уже напоминал полноценный военный отряд.

По правде говоря, Чжао Цзи не испытывал ни малейшего интереса ни к одной из них.

При мысли о том, что вся эта орава барышень переберется вслед за ним во дворец, у Чжао Цзи подкашивались ноги. Привыкший к мужскому обществу и не имевший никакого опыта близких отношений с противоположным полом, он чувствовал себя крайне неудобно в роли султана. Подобная перемена участи пугала его до дрожи.

Ситуация усложнялась тем, что он не смел ни приблизить их к себе, ни оттолкнуть слишком резко. Ведь эти девицы прекрасно знали повадки настоящего Чжао Цзи. Стоило проявить холодность или совершить оплошность в общении — и обман раскроется. Но и прослыть внезапно ставшим аскетом святошей тоже не хотелось: резкая перемена характера неминуемо вызвала бы подозрения у проницательных царедворцев.

Эти прелестницы превратились для него в самое настоящее наказание.

И пока Чжао Цзи изнывал от тревоги, обитательницы гарема пребывали на седьмом небе от счастья. Новость о том, что их господин унаследовал престол, пролилась на них золотым дождем.

Особенно ликовали бывшие куртизанки. Жизнь в Поместье князя Дуаня и так казалась им пределом мечтаний, но статус императорских наложниц сулил невероятное величие. Шутка ли — вчерашние певички в одночасье превратились в благородных дам! Радости девиц не было предела.

Каждая из них спала и видела себя в роскошных дворцовых палатах, а потому сборы проходили с поразительной быстротой.

Когда Чжао Цзи распорядился упаковать вещи, выяснилось, что сундуки барышень уже давно уложены, а сами они чинно выстроились во дворе в ожидании отправления.

Изначально собиравшийся отложить переезд до утра, Чжао Цзи окинул взглядом сияющие нетерпением лица наложниц и лишь тяжело вздохнул.

— Что ж, трогаемся. Возвращаемся во дворец.

По прибытии во дворец его ждал новый сюрприз. Чжао Цзи еще не успел переступить порог своих новых покоев, как наткнулся на ожидавшего его евнуха.

Слуга явился лишь с одной целью: передать волю вдовствующей императрицы Сян. Государыня настойчиво рекомендовала возвести старшего сына покойного Хань Ци, Хань Чжуняня, в ранг советника второго класса.

Все эти учтивые «рекомендации» были не более чем уловкой. На деле вдовствующая императрица бесцеремонно требовала от новоиспеченного государя щедро одарить должностью ее ставленника.

И Чжао Цзи понимал: воле регентши перечить нельзя. Если старшие требуют повысить человека, придется повиноваться.

Этой ночью, скрепив указ императорской печатью, Чжао Цзи так и не сомкнул глаз.

В конце концов, если он мечтал о спокойной и сытой старости, то в юности ему предстояло пахать как проклятому.

Ему требовалось как можно скорее освоиться со своей ролью. Пусть прежний Чжао Цзи и слыл бездельником, он все же вырос при дворе и с малых лет впитывал тонкости придворных интриг. Настоящий принц обладал чутьем на людей и власть, которого у попаданца не было и в помине.

К счастью, строгий траур исключал любые плотские утехы. Пользуясь этим предлогом, Чжао Цзи безжалостно услад наложниц в самые дальние покои дворца, поближе к их новому жилью и подальше от своих глаз. Сам же он заперся в архивах библиотеки, с головой уйдя в чтение официальных бумаг. Прежде всего надлежало разобраться в структуре ведомств и обязанностях чиновников, чтобы составить четкое представление о государственном аппарате.

Затем он принялся анализировать донесения и отчеты, чтобы составить личное мнение об истинных способностях каждого вельможи.

Чжао Цзи целенаправленно листал скопившиеся горы нерассмотренных прошений. Постепенно перед ним проступала картина взаимоотношений среди сановников и застарелые

язвы этой колоссальной империи, напоминавшей огромную неповоротливую корпорацию.

В эту минуту он в очередной раз мысленно возблагодарил школьную программу и свою учительницу истории, которая заставляла зубрить причины и следствия реформ Ван Аньши до одури. Те уроки врезались ему в память намертво, став спасительным кругом.

Долгие годы проработав простым клерком, Чжао Цзи черпал сведения о династии Сун разве что из исторических телепередач да дешевых романов.

И лишь тему преобразований великого реформатора он мог воспроизвести по памяти даже посреди ночи. Исторические фолианты превозносили реформы Ван Аньши до небес, утверждая, что единственной причиной их провала стало яростное сопротивление крупных землевладельцев, испугавшихся за свои кошельки.

Тем не менее, семена реформ дали всходы. Ван Аньши творил в эпоху его отца, но его идеи до сих пор определяли жизнь империи. Прошло два царствования, но двор по-прежнему оставался расколот на два непримиримых лагеря со своими политическими платформами.

Вдовствующая императрица Сян, без сомнения, покровительствовала консерваторам. И Хань Чжунянь, чьею назначением она столь рьяно добивалась, являлся виднейшим представителем этой фракции.

Стоило Хань Чжуняню укрепиться во власти, как вдовствующая императрица непременно развернула бы кампанию по искоренению сторонников реформ.

С высоты веков правота реформаторов казалась очевидной. Однако тем, кто оказался вовлечен в эту безжалостную политическую борьбу, было не до отвлеченных рассуждений о справедливости.

Нынешняя империя напоминала уродливого колосса на глиняных ногах — стопудовая туша покоилась на четырех тонких палочках для еды, олицетворявших изможденный налогами простой люд.

Рано или поздно эти подпорки должны были сломаться под непосильной тяжестью, либо взбунтовавшийся народ сам бы вонзил эти заостренные щепки в плоть зажавшегося исполина.

Защищая старые порядки, государыня пеклась лишь об интересах собственного клана. Будучи бездетной, она видела в Чжао Цзи лишь послушное орудие, чужака на троне. По-настоящему родными для нее оставались только родичи из семьи Сян, чье богатство напрямую зависело от сохранения привилегий крупных землевладельцев.

Столкновение старого и нового укладов было неизбежным.

Но как уберечь сторонников реформ от неминуемой расправы, не вызвав подозрений у грозной регентши? Госпожа Сян возвела его на трон с одной лишь целью — сделать верным союзником консерваторов.

Если он прямо сейчас осмелится перечить ей, эта внешне тихая женщина в гневе может пойти на крайние меры. Кто поручится, что однажды ночью она не решит избавиться от строптивого ставленника, заменив его более покладистым принцем, а то и вовсе приберет власть к рукам?

И тогда Чжао Цзи останется уповать лишь на милость судьбы.

Женщины, искушенные в дворцовых интригах, бывали страшнее любых заговорщиков. Сколько невинных душ сгинуло в лабиринтах внутренних покоев за время правления Шэнь-цзуна и Чжэцзуна? Концов теперь не сыскать.

Чжао Цзи до глубокой ночи разбирал старые доклады, выстраивая в уме расстановку сил между реформаторами и консерваторами. Однако четкого плана действий у него по-прежнему не было. Требовать от вчерашнего офисного клерка виртуозного ведения политической игры было все равно что просить младенца жонглировать кинжалами. Приходилось полагаться на случай.

Ему отчаянно хотелось с кем-то посоветоваться, как он делал это в бытность свою принцем. Но нынешнее его положение в корне отличалось от прежней вольной жизни в усадьбе.

Даже если предположить, что господин Бай предан ему всей душой, скромный советник, годами державшийся в тени, вряд ли мог ориентироваться в сложнейшем хитросплетении столичных интриг.

Чжао Цзи нуждался в верных и талантливых помощниках, но где их взять?

«Главное — выжить»

Бормотал он, ломая голову в одиночестве, пока за окном не забрезжил рассвет. Засыпая, он молил небеса лишь об одном: не дать ему оступиться на этом минном поле.

Устроившись на ложе, он достал из-за пазухи заветный свиток, оставленный Сяо Ци, и привычно скрестил ноги, погружаясь в медитацию.

На следующий день Чжао Цзи послушно подписал указ о возвышении Хань Чжуняня.

Учитывая былые заслуги покойного Хань Ци, авторитет его семьи при дворе оставался непререкаемым. Назначение прошло без лишних споров — сановники послушно соблюли формальности, и новый советник занял свое кресло.

Затем начались бесконечные доклады ведомств о текущих делах. Чжао Цзи честно пытался вникать в суть, но уже к середине заседания его неудержимо потянуло в сон.

Когда аудиенция наконец завершилась, измученный двухдневной чехардой император с трудом сдержал радостный вздох. Завтра наступал долгожданный день отдыха. С легким сердцем и почти летящей походкой он поспешил покинуть залу, предвкушая спокойные выходные.

Однако стоило ему сделать шаг за порог, как дорогу преградил подобострастно согнувшийся евнух, умоляя Его Величество проследовать в кабинет.

Там его ждали аккуратные, но пугающе высокие башни из неразобранных донесений.

«Проклятье... Самый несчастный владыка в истории! Все мои подданные расходятся по домам отдыхать, и только мне придется пахать все выходные! Чем я отличаюсь от прежнего зачуханного клерка? Да ничем!»

В отчаянии подумал Чжао Цзи, уныло взирая на бумажные горы.

<http://bllate.org/book/18987/1869621>